

DOI: 10.31857/S032150750031364-2

Геополитические и инвестиционные измерения политики Китая на Ближнем Востоке

© Лузянин С.Г.^{a,b,c}, Алексеева Ю.Н.^{a,d}, 2024

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^b МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

^c ORCID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

^d ORCID: 0000-0002-2244-9269; yn.alekseeva@hse.ru

Резюме. В статье освещаются два ключевых трека китайской ближневосточной политики – инвестиционный и политический – на современном этапе и в предыдущие годы. Рассматриваются сложившиеся правовые и коммерческие механизмы, включая инвестиционную логику в отношении Саудовской Аравии, ОАЭ, Ирака, Ирана, Кувейта, Катара и др., влияние событий 7 октября 2023 г. – атаки движения ХАМАС на Израиль с последующей эскалацией на китайскую политику в регионе. Анализируется роль инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) в укреплении политических и экономических связей между Китаем, Саудовской Аравией, ОАЭ, Ираном и другими странами региона.

Проблема взаимосвязи китайских военно-политических, экономико-инвестиционных и ценностных нарративов остается главной в ближневосточной стратегии Китая. В условиях усиления китайско-американской геополитической конкуренции активное вхождение КНР на мощной экономической основе на Ближний и Средний Восток (БСВ) означает постепенное размывание американского регионального монополизма и гегемонии.

Ключевые слова: Китай, БСВ, Персидский залив, Один пояс – один путь, геополитика, инвестиции

Благодарность. Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2024 году.

Для цитирования: Лузянин С.Г., Алексеева Ю.Н. Геополитические и инвестиционные измерения политики Китая на Ближнем Востоке. *Азия и Африка сегодня*. 2024, № 7. С. 24–31. DOI: 10.31857/S032150750031364-2

Geopolitical and Investment Dimensions of China's Policy in the Middle East

© Sergey G. Luzyanin^{a,b,c}, Yulia N. Alekseeva^{a,d}, 2024

^a HSE University, Moscow, Russia

^b MGIMO University, Moscow, Russia

^c ORCID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

^d ORCID: 0000-0002-2244-9269; yn.alekseeva@hse.ru

Abstract. The article highlights two key tracks of Chinese Middle East policy – investment and political – at the present stage and in previous years. The established legal and commercial mechanisms are considered, including investment logistics in relation to Saudi Arabia, the UAE, Iraq, Iran, Kuwait, Qatar, etc., the impact of the events of October 7, 2023 – the Hamas attack on Israel with the subsequent escalation on Chinese policy in the region. The role of the One Belt, One Road (OBOR) initiative in strengthening political and economic ties between China and the states of the region – Saudi Arabia, the UAE, Iraq, Iran and others – is analysed.

The problem of the relationship between Chinese military-political, economic-investment and value narratives remains central to China's Middle East strategy. In the context of intensifying Sino-American geopolitical competition, the active entry of the PRC into the Middle East on a powerful economic basis means the gradual erosion of American regional monopoly and hegemony.

Keywords: China, Middle East, Persian Gulf, One Belt – One Road, geopolitics, investments

Acknowledgment. Support from the Individual Research Program of the Faculty of World Economy and International Affairs at HSE University is gratefully acknowledged.

For citation: Luzyanin S.G., Alekseeva Y.N. Geopolitical and Investment Dimensions of China's Policy in the Middle East. *Asia and Africa today*. 2024, № 7. Pp. 24–31. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031364-2

ВВЕДЕНИЕ

Растущее экономическое и политическое влияние Китая в мире является очевидным элементом современной картины международных отношений, включая регион Ближнего Востока, который после октябрьской атаки 2023 г. ХАМАС на Израиль и последующей палестино-израильской эскалации вошел в очередную острую, конфликтную фазу, затрагивающей интересы практически всех больших и малых региональных и внерегиональных государств.

Китайская ближневосточная стратегия в основных контурах сформировалась в 2016 г., когда руководством КНР была принята новая концепция в отношении арабских стран, определившая в качестве главных драйверов роста торгово-экономические и инвестиционные приоритеты. Акцент делался на необходимости играть стратегическую роль на Ближнем Востоке, укреплять и развивать двусторонние и многосторонние отношения с государствами региона, обеспечивать энергетическую (углеводородную) безопасность Китая [1].

В настоящее время стратегия дополняется более активными дипломатическими и экономическими шагами с прицелом на постепенное вытеснение из региона основного конкурента – США. При этом вопрос китайских инвестиций постоянно привлекает внимание различных исследователей, политиков и бизнес-кругов этого региона, получающих китайские денежные вливания. Внимание настолько велико, что западные СМИ обвиняют Китай во вмешательстве во все сферы экономики стран, которым Пекин, предоставляя финансовые средства, якобы создает долговременные, опасные «долговые ловушки», формируя прямую зависимость от китайских вложений [9].

По-прежнему актуальна проблема взаимосвязи китайских международно-политических и ценностных нарративов, прежде всего концепции «Сообщество единой судьбы человечества»¹, с коммерческими, инвестиционными интересами КНР, с усилением углеводородной кооперации, в которой Китай остается главным покупателем ближневосточной нефти и газа. В политическом плане государства региона не видят в Китае угроз своим идеологическим, религиозно-ментальным и экономическим интересам. Установка на нейтралитет, невмешательство во внутренние дела, поддержка многополярности и неприятие американского курса доминирования в регионе – основа ближневосточной китайской стратегии.

С другой стороны, в Пекине и ближневосточных столицах понимают, что США остаются самым влиятельным военно-политическим игроком, имеющим сеть военных баз в Сирии, Иордании, Саудовской Аравии, Ираке, Кувейте и др. странах, более 50 тыс. размещенных военнослужащих, систему двусторонних союзнических договоров и контрактов, давние военно-технические связи. В условиях усиления китайско-американской геополитической конкуренции в регионе практически по всем направлениям Китай вынужден искать более гибкие формы противодействия, усиливая собственное военное позиционирование в сопредельных морских зонах, чего не наблюдалось до прихода Си Цзиньпина к власти в 2012 г.

Пекин совместно с Москвой и Тегераном в рамках проекта «Морской пояс безопасности» с 2013 г. проводит регулярные военно-морские учения трех государств в акваториях Аравийского моря². Помимо своей военной базы в Джибути, при поддержке Лиги арабских государств Китай изучает возможности Бахрейна, Ирана, Омана, Саудовской Аравии и Йемена в качестве новых площадок для создания пунктов материально-технического обеспечения своих ВМС, помогает Саудовской Аравии в создании завода по производству беспилотников и ракет³.

В нашей статье на основе ряда китайских, российских, западных источников и аналитических материалов предпринимается попытка проследить, с одной стороны, особенности развития и трансформации китайской инвестиционной политики в ключевых странах Ближнего Востока, а с другой – осветить

¹ Концепция была предложена Си Цзиньпином в ноябре 2012 г. на XVIII съезде КПК и предполагает принятие всеми народами и государствами пути мирного развития, взаимного уважения, экономической открытости и многополярности (прим. авт.).

² См.: Владимир Кулагин. Россия, Китай и Иран проводят совместные военно-морские учения в Оманском заливе. *Ведомости*. 16 марта, 2023. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/03/16/966707-rossiya-kitai-i-iran-provodyat-voenno-morskije-ucheniya> (accessed 01.03.2024)

³ См.: 中国政府发布首份对阿拉伯国家政策文件 中华人民共和国中央人民政府. (Issuance by the Chinese Government of its first policy document on the Arab States. The State Council of the People's Republic of China). (In Chin.) January, 2016. https://gov.cn/xinwen/2016-01/13/content_5032649.htm (accessed 05.03.2024)

региональный геополитический вектор Поднебесной, определить его чувствительные точки, возможности и вызовы в противодействии США в данном регионе.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ СТРАНОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Отправным стимулом активизации китайской ближневосточной стратегии стала заявленная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. в Астане (Казахстан) и Джакарте (Индонезия) соответственно сухопутная (евразийская) и морская глобальная инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), выходящая через десятки новых транспортных коридоров на Ближний и Средний Восток (БСВ). Многие государства региона расположены как раз вдоль «пояса», а значит, являются особо значимыми с точки зрения инфраструктурного строительства.

Регион становится одним из ключевых мест приложения китайских капиталов, куда КНР инвестировала к 2022 г. \$231,5 млрд, увеличив вложения на 360%, что демонстрирует позитивную тенденцию с основным вектором, направленным в сторону стран Персидского залива.

Исполнительный директор Эр-Риядского Института будущих инвестиционных инициатив (*FII Institute*) Ричард Аттиас в интервью *Chinafund* заявил, что Ближний Восток и Китай имеют широкий спектр пересечений и большое пространство для сотрудничества не только с точки зрения двусторонних инвестиционных отношений или инвестиций Китая в регион, но и с точки зрения перспективы возможного совместного инвестирования Китая и стран Персидского залива в государства Африки и Латинской Америки [11]. На это указывают и укрепляющиеся политические, экономические и культурные связи стран Персидского залива с Китаем.

Политическая и инвестиционная логистика Поднебесной связана с выделением из общего числа разномасштабных государств региона двух ключевых групп: особо приоритетной – Саудовская Аравия, ОАЭ, Алжир, Египет и Иран, с которыми были установлены двусторонние отношения в формате «всеобщего всеобъемлющего стратегического партнерства», и группы государств, обозначенных как просто «стратегические партнеры» – Ирак, Иордания, Кувейт, Марокко, Оман, Катар, Турция [2].

Подобная типология – не игра терминов, а сложившаяся в политической традиции китайской дипломатии четкая фиксация в словосочетаниях иероглифов определенных смыслов и значений, отражающих специфику китайских национальных интересов на страновых треках.

Ключевым звеном в приоритетной группе стал китайско-саудовский «прорыв» в 2022–2023 г. Академик А.М.Васильев в серии статей по внутренней и внешней проблематике Саудовской Аравии справедливо отмечает, что визит председателя КНР в декабре 2022 г. завершился не просто важными соглашениями, но стал принципиально новой вехой в связях Королевства с восточным соседом (см. [3; 9; 12]). Стороны подписали 34 инвестиционных контракта на \$30 млрд в энергетической, транспортной, медицинской сферах, включая углеводородные проекты и продвижение китайской инициативы ОПОП [3, с. 10].

По данным *American Enterprise Institute*, суммарный объем китайских инвестиций в Королевство с 2005 по 2022 г. составил более \$52,1 млрд с \$1,1 млрд в 2005 г. и \$8,58 млрд в 2022 г.⁴ А по данным *FDI Intelligence*, в 2023 г. сумма достигла \$21 млрд [12]. Наиболее значительная часть инвестиций была направлена на инфраструктурное строительство, также инвестиции привлекли в сферы технологий, возобновляемых источников энергии, сельского хозяйства и даже туризма. Стоит упомянуть, что, несмотря на политические амбиции Королевства, пока страна не является самым комфортным направлением для инвестирования, в т.ч. и для Китая. Здесь всё еще сохраняются высокий уровень бюрократизации, жесткое законодательство в сфере труда и негибкие налоговые ставки [8]. Поэтому пока в вопросах привлечения китайских (и не только) инвестиций страна по определенным критериям проигрывает соседу – ОАЭ.

При этом, кроме двустороннего формата, руководители Саудовской Аравии и Китая организовали проведение ряда важных региональных многосторонних саммитов – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и более широкий – «Китай – арабский мир», по итогам кото-

⁴ См.: American Enterprise Institute, China Global Investment Tracker, 2005–2022. <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (accessed 02.01.2024)

рых были опубликованы совместные заявления и обозначены ключевые сферы сотрудничества на ближайшие годы, включая создание совместного инвестиционного центра, приоритетом которого будет инвестирование в «чистую» энергетику [17].

Китайско-саудовская связка при активном китайском посредничестве сработала и в дальнейшем при нормализации ирано-саудовских отношений в начале 2023 г. Очевидно, что саудовская активность Пекина обусловлена не только экономико-энергетическими интересами, но и желанием если не полностью демонтировать традиционный американско-саудовский союзнический формат, но существенно его деформировать, незаметно и плавно перетягивая Эр-Рияд от Вашингтона и встраивая его в свои глобальные и региональные инициативы и проекты.

Другим ключевым треком в инвестиционном и военно-политическом плане для КНР становится иранский. В течение десятилетий Иран был одним из основных объектов западной санкционной политики, которую возглавили США и которая охватывала финансово-экономический, торговый и другие секторы экономики ИРИ.

Пекин не только компенсировал потери Тегерана от западных экономических санкций, но и своей активностью создал двусторонний механизм для выхода Ирана из политической и экономической изоляции, оттеснив ЕС с иранских рынков. Особенно ярко это проявилось после выхода Вашингтона в 2018 г. из ядерной сделки⁵, после чего США усилили санкционный режим, выведя отношения с Исламской Республикой на грань открытой военной конфронтации.

В этих условиях в марте 2021 г. КНР и Иран подписали ирано-китайский стратегический пакт, по которому в течение 25 лет Китай в обмен на возрастающие поставки иранской нефти заявил о желании инвестировать в экономику ИРИ \$400 млрд, из которых \$280 млрд пойдут в сферу нефте- и газодобычи / переработки и \$120 млрд – на инфраструктурные проекты, включая модернизацию иранского порта Бендер-Аббас, превращающегося в один из ключевых перевалочных пунктов в регионе на пути китайского ОПОП, развитие военно-технического сотрудничества. В частности, в рамках транспортной и энергетической кооперации с «Одним поясом» китайские компании электрифицировали 900-километровую железную дорогу «Тегеран – Мешхед» (второй по численности населения город на северо-востоке Ирана); модернизировали дорожную сеть до г. Тебриза (на северо-западе страны); построили хаб для газопровода «Тебриз – Анкара» и др.⁶

Китайский вклад есть и в иранской ядерной программе, в частности в содействии Пекина в построении ядерного технологического центра в Исфахане, подготовке профильных специалистов и др. [4, с. 35].

Динамика и объемы китайской инвестиционной активности по другим страновым опциям также характеризовались общим ростом. В Объединенные Арабские Эмираты КНР с 2005 по 2022 г. вложила \$39,2 млрд. На протяжении нескольких лет Эмираты являлись основным (после Саудовской Аравии) местом назначения китайских инвестиций в Персидском заливе; по данным *American Enterprise Institute*, в 2005 г. речь шла о \$300 млн, а в 2023 г. – уже о более чем \$1 млрд. Основой сферой, привлекающей китайские инвестиции, является инфраструктурное строительство, а также транспортное обеспечение и логистика.

В период с 2005 по 2022 г. Катар привлек \$8,61 млрд китайских инвестиций (\$100 млн в 2005 и \$810 млн в 2022 г.). Оман – \$7,42 млрд, Бахрейн – \$1,42 млрд. Кувейт – \$12,96 млрд (при \$840 млн в 2007 г. и \$1,22 млрд в 2022 г.). Иран – \$26,56 млрд при \$900 млн в 2005 г. и \$1,54 млрд – в «доковидный» 2019 г. Основной сферой инвестирования Китая в этих странах тоже является инфраструктурное строительство, помимо этого есть инвестиции в энергетическую отрасль и финансовый сектор.

Крайне интересная ситуация в вопросах инвестиций складывается у Китая с Ираком. Объем инвестиций КНР в период с 2005 по 2023 г., по арабским источникам, составил \$32,93 млрд, включая инвестиции в Иракский Курдистан [15], что превышает китайские инвестиции в большинство ранее упомянутых стран. Судя по отчету *American Enterprise Institute*, именно Ирак занимает 3-е место по объему китайских финансовых вложений в регион после ОАЭ и Саудовской Аравии.

⁵ В 2016 г. был подписан Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) между пятью постоянными членами СБ ООН и Германией по денуклиаризации ядерной программы Ирана (прим. авт.).

⁶ См.: <https://neftegaz-ru.turbopages.org/neftegaz.ru/s/news/politics/619326-podrobnosti-sekretnogo-25-letnego-strategicheskogo-partnerstva-mezhdu-kitaem-i-iranom-vryad-li-obrad/> (accessed 19.03.2024)

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Эффективность китайской инвестиционной политики в данном регионе связана также и с отработанными правовыми механизмами, учитывающими как мировую практику, так и специфику арабского менталитета деловых отношений. Одним из основных шагов по обеспечению взаимного доверия стран является заключение двусторонних инвестиционных договоров (ДИД) и «прочих инвестиционных соглашений» (*Other Investment Agreements*). Иногда пункты о защите инвестиций встречаются и в Соглашениях о свободной торговле.

По регламенту ДИД, иностранные инвесторы имеют те же права, что и инвесторы принимающей страны, в отношении объема инвестиций, оговоренного в контракте. Например, в двустороннем договоре между Китаем и Катаром оговорены вопросы движимого и недвижимого имущества, имущественные права, такие как ипотека и залог; акции, долговые обязательства, права на интеллектуальную собственность, коммерческие концессии, включая концессии на поиск, культивирование, добычу или эксплуатацию природных ресурсов, и др.⁷

По данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), по состоянию на 2024 г. у Китая подписано более 100 двусторонних инвестиционных договоров со странами всего мира. Сегодня они имеются почти со всеми странами Персидского залива – Саудовской Аравией (1996), ОАЭ (1993), Катаром (1999), Оманом (1995), Кувейтом (1985), Бахрейном (1999) и Ираном (2000)⁸. Несмотря на то, что Ирак является получателем большого объема китайских инвестиций, подобного договора между двумя странами всё еще нет. Китай подписал двусторонние соглашения с Йеменом (1998) и Ливией (2010, статус договора: недействующий).

В 2022 г. на основе условий, прописанных в ДИД между Китаем и Саудовской Аравией, Международным центром по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС, более известный как *ICSID*), был запущен процесс арбитражного урегулирования спора между Королевством и китайской телекоммуникационной компанией (дело *PCCW Cascade (Middle East) Ltd. v. Kingdom of Saudi Arabia (ICSID Case No. ARB/22/20)*) (подробнее см. [14]). Процесс еще не завершен и пока находится в стадии рассмотрения, но это уже является хорошим примером работы двустороннего инвестиционного договора.

Очевидно, что подобные варианты могут в будущем служить хорошей опорой для дальнейшего развития международно-правовой базы двусторонних инвестиционных отношений между Китаем и странами Персидского залива.

ЭСКАЛАЦИЯ КОНФЛИКТОВ: ЧТО ПЕРВИЧНО ДЛЯ КИТАЯ?

Текущий ближневосточный региональный срез, характеризующийся эскалацией конфликтов, экономически невыгоден для Китая с точки зрения как безопасности сделанных инвестиций, так и удорожания транспортировки товаров и углеводородов с новой маршрутной логистикой в обход конфликтных зон. Однако политически Пекин, несмотря на коммерческие потери, видимо, и дальше готов к противостоянию с США в ближневосточных вопросах, сознательно усиливая китайско-американскую конкуренцию в регионе, которая является частью более глобального раскола КНР и США по ключевым вопросам мироустройства, развития и безопасности [5].

30 ноября 2023 г. китайский МИД опубликовал план из 5 пунктов по урегулированию палестино-израильского конфликта, озвучив его на заседании СБ ООН. План предусматривал: немедленное прекращение боевых действий, защиту гражданского населения, возвращение к плану СБ ООН 1967 г. «Два государства для двух народов», установление гуманитарного перемирия⁹. Понимая, что данный документ носит больше декларативный характер и его практическая реализация представляется маловероятной в ближайшем будущем, тем не менее китайская дипломатия публично и настойчиво позициони-

⁷ См.: Agreement Between the Government of the People's Republic of China and the Government of the State of Qatar Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investments. April, 1999. <http://treaty.mfa.gov.cn/tykfiles/20180718/1531876793670.pdf> (accessed 04.01.2024)

⁸ См.: International Investment Agreements Navigator, China. Investment Policy Hub, UNCTAD. <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/42/china> (accessed 04.11.2023)

⁹ См.: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjb/zzjg/bmdyzs/xwlb/202311/t20231130_11190373.html (accessed 02.01.2024)

рвала себя как защитника малых арабских народов против экспансии и геноцида Израиля и поддерживающих его США.

Формат китайско-израильских отношений до атаки ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. складывался достаточно благоприятно для обеих сторон, не подвергаясь серьезным деформациям.

Сдерживающим фактором этих отношений были китайско-иранские связи. Тель-Авив в конце 1990-х – 2000-е гг. оказывал давление на Пекин, пытаясь заставить его прекратить военно-технические контакты с Тегераном. Однако все попытки влияния оказались безуспешны – с 2010 по 2018 г. Китай увеличил экспорт вооружений в Иран, который составлял 28% от всех военно-технических поставок в страны Ближнего Востока, интенсифицировав сотрудничество в сферах ракетных технологий, а также гражданских транспортных перевозок нефти, продукции легкой и тяжелой промышленности.

Характерно, что развитие китайско-иранских отношений не сказалось негативно на развитии китайско-израильских торгово-экономических связей, которые, наоборот, укрепились. Так, объем торговли с 2000 до 2020 г. вырос с \$836 млн до \$11,1 млрд [4, с. 36–37].

После 7 октября 2023 г. ситуация в регионе резко обострилась, включая атаки хуситов (движение «Ансар-Алла») на американские и британские суда в Красном море, противостояние проиранского движения «Хезболла» и Израиля на ливано-израильской границе.

Все эти факторы влияют на китайскую политику по двум основным направлениям:

– во-первых, эскалация отрицательно сказалась на инвестиционных и торгово-экономических проектах КНР в регионе. Объединение китайских грузоперевозчиков (*COSCO*) приостановило все поставки в Израиль, сроки доставки грузов из Китая в Европу увеличились с 26 до 36 дней из-за удлинения маршрутов, большая часть которых пошли не через Суэцкий канал, а вокруг африканского мыса Доброй Надежды и др.

– во-вторых, обострение ситуации более четко зафиксировало китайские политические приоритеты. Несмотря на коммерческие потери и трудности, Пекин рассматривает развитие текущих событий через призму растущего соперничества в китайско-американских отношениях.

Учитывая, что Вашингтон и его союзник Тель-Авив, втягиваясь в конфликт, теряют стратегическое доверие мусульманских стран, Китай негласно поддерживает американское вовлечение в ближневосточный кризис, что дополнительно ослабляет позиции бывшего гегемона [7]. КНР выступает против участия в антихуситской военной коалиции США, проводя постоянные консультации с Ираном, представителями ХАМАС и «Хезболлы» по организации гуманитарной помощи палестинцам.

В этих условиях корректируется инвестиционное измерение. Американские инвестиции по-прежнему присутствуют здесь в заметном объеме, однако даже такой «исторический» партнер, как Саудовская Аравия, выбирая в том или ином вопросе Китай или США, нередко склоняется в сторону Пекина. Проблемы региона, конечно, напрягают китайских инвесторов, тормозится дальнейшее наращивание объема инвестиций. Для Китая особую важность и значимость в настоящее время приобретает вопрос обеспечения дополнительной безопасности при продлении старых и заключении новых договоров и контрактов с ближневосточными партнерами [9].

Американские СМИ всё чаще выражают опасения, что КНР планирует создать военные объекты в ближневосточном регионе для обеспечения логистической безопасности и других целей. Отмечается, что Китаю принадлежит большое число проектов инфраструктурного строительства, направленного на постконфликтное восстановление в Ираке, Сирии – странах, традиционно находящихся в зоне внимания США. Китайские источники также сообщают об идущих в Поднебесной обсуждениях на различных уровнях возможности военно-технической помощи странам Персидского залива, включая вопросы производства высокотехнологичных устройств. Однако говорить о том, что на данный момент Китай готов полностью заменить Соединенные Штаты для стран Залива с точки зрения вопросов безопасности, слишком рано [16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распространение экономического и политического влияния является наиболее четко выделяемой целью инвестиций Китая в Ближневосточный регион. На Ближнем Востоке сконцентрировано сразу несколько ключевых для него сфер, прежде всего углеводороды и инфраструктура, завязанных на реализации инициативы «Один пояс – один путь».

Китайские инвестиционные отношения со странами Ближнего и Среднего Востока имеют не только прочную международно-правовую базу в виде подписанных двусторонних инвестиционных и прочих договоров, но и длительную историю с позитивной динамикой. Лидерами в получении китайских инвестиций являются страны Персидского залива, инвестиции в этих странах направляются в большом объеме в сферы технологий, энергетики и транспорта.

Однако Китай концентрирует силы не только на обеспечении безопасности инвестиционных процессов, уделяя внимание логистике и инфраструктурному строительству, но и реализует проекты, связанные с постконфликтным восстановлением в некоторых странах Ближневосточного региона. Несмотря на существующие проблемы, страны Персидского залива прочно заняли свое место в картине китайских инвестиций в мире, и в будущем ожидается укрепление этих позиций.

В рамках реализации инициативы ОПОП Китай не только сформировал систему приоритетных двусторонних экономико-политических отношений с Саудовской Аравией, ОАЭ, Ираном, Ираком и другими странами, но и инициировал ряд коллективных форматов – «Китай – ССАГПЗ», «Китай – арабский мир», войдя в регион системно и стратегически. Китайское мягкое политическое сотрудничество на основе активной экономической политики де-факто означает постепенное размывание американского регионального монополизма и гегемонии. Успешная реализация модели примирения Тегерана и Эр-Рияда при китайском посредничестве в 2023 г. – один из примеров активной и наступательной китайской дипломатии в регионе БСВ.

Политические приоритеты лежат в основе экономической политики КНР, однако официально заявлять о своем лидерстве в регионе Пекин не планирует, якобы оставляя за США роль гегемона, которую Вашингтон исполнять эффективно уже не может.

Китай, исходя из своих стратегических установок – формирование «сообщества с единой судьбой» в мире и различных регионах, фактически позиционирует себя как дружественная и ответственная держава, альтернативная США на Ближнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Глазунов О.Н., Савченко А.Н. Особенности и приоритеты внешней политики Китая в странах Ближнего Востока. *Общество: политика, экономика, право*. 2018. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-priority-vneshney-politiki-kitaya-v-stranah-blizhnego-vostoka> (accessed 02.01.2024)
Glazunov O.N., Savchenko A.N. Features and priorities of Chinese foreign policy in the countries of the Middle East. *Society: Politics, Economics, Law*. 2018. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-priority-vneshney-politiki-kitaya-v-stranah-blizhnego-vostoka> (accessed 02.01.2024)
2. Сажин В. КНР – движение на Ближний Восток. *Международная жизнь*. 30.05.2023. <https://interaffairs.ru/news/show/40609> (accessed 02.01.2024)
Sazhin Vladimir. China – movement to the Middle East. *The International Affairs*. 30.05.2023. Moscow. (In Russ.). <https://interaffairs.ru/news/show/40609> (accessed 02.01.2024)
3. Васильев А.М. Саудовская Аравия: укрепление власти в условиях ломки старой мир-системы. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 5–17. DOI: 10.31857/S032150750025680-0
Vasiliev A.M. 2023. Saudi Arabia: Consolidation of Power in the Context of the Breakdown of the Old World System. *Asia and Africa today*. № 5. Pp. 5–17. (In Russ.)
4. Микаэлян А.А. Противостояние Израиля и Ирана сквозь призму китайско-израильских и индийско-израильских отношений. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 1. С. 34–42. DOI: 10.31857/S032150750016679-8
Mikaelyan A.A. 2023. The Confrontation between Israel and Iran through the Prism of Chinese-Israeli and Indian-Israeli Relations. *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 34–42. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016679-8
5. Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750021786-6
Luzyanin S.G. 2023. China – USA: Model 2023. “Managed Conflict” or Global Split? *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 5–14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021786-6
6. Сунь Юнь. Почему Китай не будет воевать с хуситами. https://forbes.kz/life/opinion/pochemu_kitay_ne_budet_voevat_s_husitami/ (accessed 02.01.2024)
Sun Yun. Why China will not fight the Houthis. (In Russ.). https://forbes.kz/life/opinion/pochemu_kitay_ne_budet_voevat_s_husitami/ (accessed 02.01.2024)
7. Науменко Т.В., Тимахов К.В. Саудовская Аравия и её конкурентоспособность среди стран Ближневосточного региона. *Вестник МГИМО-Университета*. 2019. № 1 (64). С. 147–167.

- Naumenko T.B., Timakhov K.V. 2019. Saudi Arabia and its competitiveness among the countries of the Middle East region. *Vestnik MGIMO-University*. № 1 (64). Pp. 147–167. (In Russ.)
8. Kerry Liu. 2023. The Chinese Debt Trap Diplomacy Narrative: An Empirical Analysis. *Statistics, Politics and Policy*. Vol. 14. № 1. Pp. 19–44.
9. Васильев А.М. Саудовская Аравия. Годы смуты: и репрессии, и «либерализация». *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 10. С. 15–26. DOI: 10.31857/S032150750022717-0
- Vasiliev A.M. 2022. Saudi Arabia. Years of turmoil: Both repression and “liberalization”. *Asia and Africa today*. № 10. Pp. 15–26. DOI: 10.31857/S032150750022717-0
10. 吴娟娟 中东重磅机构发声：中东和中国可在众多领域开展共同投资 (Wu Juanjuan. Middle East heavyweights speak out: Middle East and China can co-invest in many areas). (In Chin.). <https://www.chnfund.com/article/AR2023120700141882480977> (accessed 10.01.2024)
11. Joshua Crawford. Record Chinese investment aids Saudi diversification. *FDI Intelligence*. December 4, 2023. <https://www.fdiintelligence.com/content/news/record-chinese-investment-aids-saudi-diversification-83240> (accessed 02.01.2024)
12. Васильев А.М. Саудовская Аравия. Сальман ибн Абдалль Азиз и Мухаммад ибн Сальман. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 5–20. DOI: 10.31857/S032150750024989-9
- Vasiliev A.M. 2023. Saudi Arabia. Salman bin Abd al-Aziz and Muhammad bin Salman. *Asia and Africa today*. № 3. Pp. 5–20. DOI: 10.31857/S032150750024989-9
13. Jack Ballantyne. Chinese-Saudi telecoms dispute kicks off at ICSID. *Global Arbitration Review*. 27.07.2022. <https://globalarbitrationreview.com/article/chinese-saudi-telecoms-dispute-kicks-icsid> (accessed 12.01.2024)
14. شريف محمد, عزيز سردار بواسطة. العراق؟ أكراد تهم بكيّن مع العلاقة هل: الصين في كردستان. (Sardar Aziz. China and the Kurdistan Region of Iraq: An Enduring Yet Cumbersome Relationship. The Washington Institute. 31.05.2022). (In Arab.). <https://www.washingtoninstitute.org/ar/policy-analysis/krdstan-fy-alsyn-hl-allaqt-m-bkyn-thm-akrad-alraq> (accessed 01.03.2024)
15. 李超 海湾投资基金集体向东看, 中国和海湾国家的投资合作多少新机遇. (Li Chao: Gulf Investment Funds Collectively Look East, Many New Opportunities for Investment Cooperation Between China and Gulf Countries). (In Chin.). December 19, 2023. https://china.cnr.cn/gdgg/20231219/t20231219_526527048.shtml (accessed 07.01.2024)
16. Li Zengxin, Luo Guoping, Kelsey Cheng. Saudi Arabia Looks to China to Help Build Up Its Renewables Industry. *Cainxin Global*. 06.11.2023. <https://www.caixinglobal.com/2023-11-06/saudi-arabia-looks-to-china-to-help-build-up-its-renewables-industry-102125252.html> (accessed 13.01.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; профессор, Факультет международных отношений, МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия.

Sergey G. Luzyanin, Dr.Sc. (History), Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, Faculty of International Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.

Алексеева Юлия Николаевна, преподаватель Департамента зарубежного регионоведения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Yulia N. Alekseeva, Lecturer, Faculty of World Economy and International Affairs, School of International Regional Studies, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 18.03.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 23.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 14.06.2024